

СОЦИОНИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

УДК 159.923+929

Стовпюк М. Ф.

**АНТОН ЧЕХОВ:
«ГЛАВНОЕ — БЫТЬ СПРАВЕДЛИВЫМ,
А ОСТАЛЬНОЕ ВСЁ ПРИЛОЖИТСЯ»**

С помощью метода соционической диагностики показана принадлежность писателя А. П. Чехова к типу логико-интуитивный интроверт (□▲, ЛИИ).

Ключевые слова: исследователь (сайентист), литература, логико-интуитивный интроверт, соционика, темперамент, уравновешенно-стабильный, установка на род деятельности, Чехов.

«Садиться писать нужно только тогда, когда чувствуешь себя холодным как лёд».

«Голстой говорит, что человеку нужно всего три аршина земли. Вздор — три аршина нужно мёртвому, а живому нужен весь земной шар. И особенно — писателю».

А. П. Чехов.

Пенсне, бородка, врач, «Крыжовник», «Человек в футляре», «Вишнёвый сад», «Дядя Ваня», «Чайка», чухотка... — нехитрый ассоциативный ряд, который выстраивается в голове закончившего среднюю школу человека в ответ на услышанную фамилию — Чехов. Автор приблизительно тысячи «осколочных» сценков, большого количества оригинальных и замечательно отточенных рассказов, пьес, которые до сих пор играют на разные лады и пользуются популярностью на многих сценах мира, давно стал классиком не только русской, но и мировой литературы.

А вот с образом, который настойчиво навязывался его читателям, Чехову «повезло» меньше. После смерти писателя многие из его знакомых опубликовали свои воспоминания, где посчитали своим долгом отлакировать его образ до такой степени, чтобы Чехов выглядел «существом, как бы лишённым плоти и крови, стоящим вне жизни, — праведником, отрешившимся от всех слабостей человеческих, без страстей, без заблуждений, без ошибок» [1, с. 330].

В советские годы на помощь «близким друзьям» пришла мощнейшая цензура нравов. «Как и все большие художники, Чехов знал русский язык в разных его сферах — и высокой, церковнославянской, и низкой, фамильярной, вульгарной, бранной. Лексику последней сферы, в том числе и обсценную, он широко использовал в жанре, где не был связан цензурой, — в письмах. Увы, для читателя даже академического собрания сочинений эта сторона языкового творчества большого писателя в значительной мере остаётся закрытой. Всего в корпусе чеховских писем в Полном собрании сочинений в 20-ти томах (1948–1952 гг.) было сделано около 500 купюр. Можно ли удивляться, что не только в сознании читателей, но и по страницам биографических книг о Чехове многие десятилетия гуляет образ чинного, благопристойного господина с палочкой, не позволяющего себе солёного слова, несколько постного и болезненного, мало интересующегося женщинами» [7].

Чем схематичнее описан человек, чем больше сглажено при этом его противоречивых черт, тем, казалось бы, легче определить его соционический тип. Иногда это даже удобно, поскольку описания типов как раз и представляют из себя некую схему, к реальному человеку целиком неприменимую. Нередко черты какого-то типа утрируются до абсурда и

называются после этого «неотъемлемыми качествами». Но соционика — не точная наука, она чаще оперирует тенденциями, а не законами, на каждое правило в этой теории нетрудно найти не столь уж редкие исключения. Вряд ли целесообразно закрывать на такие исключения глаза — лучше разобраться, как часто они встречаются в жизни.

Для определения соционического типа Чехова воспользуемся тем же приёмом, что и в статье [9]: сначала определим «соционический темперамент» и «установку на род деятельности» [4, 5], а затем проверим получившийся результат по блокам модели А.

Соционический темперамент

Из воспоминаний В. И. Немировича-Данченко о Чехове: «Держался он скромно, но без излишней застенчивости; жест сдержанный... Внутреннее равновесие, спокойствие независимости, — в помине не было этой улыбки, которая не сходит с лица двух собеседников, встретившихся на какой-то обоюдно приятной теме... Его же улыбка была совсем особенная.

Она сразу, быстро появлялась и так же быстро исчезала. Широкая, открытая, всем лицом, искренняя, но всегда накоротке. Точно человек спохватывался, что, пожалуй, по этому поводу дольше улыбаться и не следует... Длинных разъяснений, долгих споров не любил... Слушал внимательно, часто из любезности, но часто и с интересом. Сам же молчал, молчал до тех пор, пока не находил определения своей мысли, короткого, меткого и исчерпывающего. Скажет, улыбнётся своей широкой летучей улыбкой и опять замолчит» [1, с. 423, 429].

Сходное впечатление производил Чехов и на других современников. Поэт и журналист В. Н. Ладыженский вспоминал: «Чехов показался мне малоразговорчивым, каким он и был на самом деле. Говорил он охотно, но больше отвечал, не произнося, так сказать, монологов. В его ответах проскальзывала иногда ирония, к которой я жадно прислушивался, и я подметил при этом одну особенность, так хорошо памятную знавшим Чехова: перед тем, как сказать что-нибудь значительно-остроумное, его глаза вспыхивали мгновенной весёлостью, но только мгновенной. Эта весёлость потухала так же внезапно, как и появлялась, и острое замечание произносилось серьёзным тоном, тем сильнее действовавшим на слушателя» [1, с.297].

Иван Бунин, близко знавший Чехова в последние 5 лет жизни, отмечал такие его характерные черты: «Он мало ел, мало спал, очень любил порядок. В комнатах его была удивительная чистота, спальня была похожа на девичью. Как ни слаб бывал он порой, ни малейшей поблажки не давал себе в одежде» [1, с.527]. То же — в воспоминаниях А. И. Куприна: «Вставал А. П., по крайней мере летом, довольно рано. Никто даже из самых близких людей не видел его небрежно одетым; также не любил он разных домашних вольностей вроде туфель, халатов и тужурок...» [1, с.548].

В приведённых отрывках наиболее явно выступают две дихотомии: интроверсия и рациональность. Об интроверсии здесь говорит скромность, умеренность, сдержанность, экономность в движениях, нежелание выпячивать свою особу на первый план, привычка тщательно обдумывать свои высказывания и действия (экстраверты обычно более быстры в представлении своего мнения, а их мысль часто обретает форму уже в самом процессе произнесения). За рациональность говорит привычка к самоконтролю (иррационалы более спонтанны), приверженность порядку во всём — в своей комнате, в своих делах, наконец, во внешнем виде. Дальше будут приведены и другие доказательства в пользу этих дихотомий, но пока что мы вышли на *уравновешенно-стабильный* соционический темперамент [5].

Внешне представители этой группы темпераментов часто кажутся холодными, безэмоциональными, даже несколько «механическими» людьми. На самом деле это не так. Уравновешенно-стабильные умеют прятать свои переживания, страсти и амбиции очень

глубоко, но от этого их, конечно, не лишают. Именно такую черту в Чехове подчёркивал его многолетний знакомый, писатель И. Н. Потапенко: «В действительности же в нём наряду с великодушием и скромностью жили и гордость и тщеславие, рядом со справедливостью — пристрастие. Но он умел, как истинный мудрец, управлять своими слабостями, и оттого они у него приобретали характер достоинств» [1, с.310].

Как интроверт *уравновешенно-стабильный* не любит выносить работу своей мысли на всеобщее обозрение: «Творческая работа Чехова чужого глаза совсем не переносила, и, так как творил он всегда и даже в непосредственное соприкосновение с жизнью и с людьми вступал как-то особенно, по-своему, творчески, то ему нужно было прятать эту работу, и вот почему самые близкие люди всегда чувствовали между ним и собою некоторое расстояние» [1, стр. 309]. А как рационал-интроверт — очень не любил показывать кому-то свою работу незаконченной: «Только, спаси вас Бог, читать кому-нибудь свои произведения, пока они не напечатаны. Даже в корректуре не читайте» [1, с.556].

Однако повторим, не следует думать, что *уравновешенно-стабильные* не способны вовсе увлекаться, быть азартными, забывать об осторожности — могут... но именно в качестве исключения. Один из таких примеров — поездка Чехова и Потапенко в Монте-Карло: «Монте-Карло производило на него удручающее впечатление, но было бы неправдой сказать, что он остался недоступен его отраве. И вот он — трезвый, рассудительный, осторожный — поддался искушению. Мы накупили целую гору бюллетеней, даже маленькую рулетку, и по целым часам сидели с карандашами в руках над бумагой, которую исписывали цифрами. Мы разрабатывали систему, мы искали секрет. Однажды мы его нашли и поехали в Монте-Карло с точно определённым планом. Игра была маленькая, осторожная, и, тем не менее, окончив её, мы не досчитались пары сотен франков. Опять бюллетени, снова карандаши и цифры... Кто из знавших его поверит, что в нём жил азарт? Мы спорили, каждый предлагал свою систему и защищал её. У него появлялись остроумные мысли в этой области, и главное — что волнение его было чисто спортивное, так как он проигрывал, в сущности, пустяки. Дней десять длилось его увлечение рулеткой. Он перестал принимать во внимание мои мнения и сам разрабатывал какие-то способы... Кажется, что в результате всех этих попыток был у него небольшой выигрыш. Это и есть тот опасный момент, когда игрок слепнет и с головой зарывается в игру. А у него вышло иначе. Однажды он определённо и твёрдо заявил, что с рулеткой покончено: и действительно, после этого ни разу больше не поехал туда. Взяли силу его обычные качества — благоразумие, осторожность, уравновешенность, а главное — ему стало стыдно увлекаться и отдаваться таким пустякам. Воля чеховская была большая сила, он берёт её и редко прибегал к её содействию, и иногда ему доставляло удовольствие обходиться без неё, переживать колебания, быть даже слабым» [1, с. 329–331]. Несмотря на важность, последнюю фразу пока оставим без комментария, обратим лишь внимание на то, что и в азартном состоянии Чехову не было свойственно «зарываться». Подобно другому *уравновешенно-стабильному* — Ф. М. Достоевскому (и даже быстрее, чем он), Чехов нашёл в себе силы отказаться от этого развлечения, причём оставшись «в плюсе», пусть и небольшом. Заметим также, что в игре в рулетку Чехова привлекало не только и не столько обогащение, сколько желание найти «принцип», управляющий игрой, подчинить случай строгому расчёту.

Установка на род деятельности

При таком делении социона учитывается, разумеется, не непосредственно профессиональная деятельность (профессия может быть выбрана не только по собственному вкусу, но и под влиянием различных «жизненных обстоятельств»), а скорее *способ* самовыражения человека.

В. Н. Ладыженский о Чехове в 1890 г.: «Он собирался тогда на Сахалин, и с каким увлечением говорил он о возможности видеть чужие, малознакомые фантастические страны — Индию и Японию. Вернуться предполагал он через всю Сибирь, представлявшую, по тогдашнему времени, тоже неведомую землю. Особенно интересовала его всё-таки каторга:

«Её надо видеть, непременно видеть, изучить самому. В ней, может быть, одна из самых ужасных нелепостей, до которых мог додуматься человек со своими условными понятиями о жизни и правде», — говорил он» [1, с. 298].

Стремление разобраться во всём самому, отвергнуть устоявшиеся и привычные в обществе мнения характерно в первую очередь для *сайентистской* установки — клуб *Исследователей*. «Носители этой установки превыше всего ставят не пользу, не гуманность, а объективную истину, добытую разумом» [5].

Для представителей этого клуба характерна постоянная интеллектуальная работа, стремление проверять как свои, так и чужие умозаключения: «Художник, — говорил Чехов, — должен всегда работать, всегда обдумывать, потому что иначе он не может жить. Куда же денешься от мысли, от самого себя» [1, с. 301].

Сайентистов от *гуманитариев* отличает то, что опираются они в своих умозаключениях в первую очередь на объективные факты и закономерности и именно в этом видят наибольшую пользу для человека. Вот что Чехов писал А. С. Суворину о своём отношении к взглядам Л. Толстого (1894): «Я с детства уверовал в прогресс и не мог не уверовать, так как разница между временем, когда меня драли, и временем, когда перестали драть, была страшная... Расчётливость и справедливость говорят мне, что в электричестве и паре любви к человеку больше, чем в целомудрии и воздержании от мяса» [1, с. 229].

Чехову совершенно не близки типичные для российской прессы, наверное, любого времени, «гуманитарные» обличения в эксплуатации одних народов другими. Он и здесь стремится подойти со всей объективностью и без излишней идеализации кого-либо: «Россияне бранят англичан за эксплуатацию инородцев. Я думал: да, англичанин эксплуатирует китайцев, сипаев, индусов, но зато даёт им дороги, водопроводы, музеи, христианство. Вы тоже эксплуатируете, но что *вы* даёте?» [7].

Некоторая отстранённость, скорее формальная вежливость, чем действительно участие и сопереживание — тоже отличительная черта *сайентистов* по сравнению с *гуманитариями*: «Думается, что он никому не раскрывал и не отдавал своего сердца вполне, но ко всем относился благодушно, безразлично в смысле дружбы и в то же время с большим, может быть бессознательным, интересом», — вспоминал А. И. Куприн [1, с. 559]. Аналогичные черты отметил в Чехове и В. И. Немирович-Данченко: «В общении был любезен, без малейшей слащавости, прост, я сказал бы: внутренне изыщен. Но и с холодком. Например, встречаясь и пожимая вам руку, произносил «как поживаете» мимоходом, не дожидаясь ответа» [1, с. 429].

Неспособность жить своим умом, подверженность чужим мнениям и настроениям не находят понимания у представителей клуба *сайентистов*. Из записных книжек Чехова: «Как люди охотно обманываются, как любят они пророков, вещателей, какое это стадо!» [1, с.519].

Итак, на пересечении рассмотренных выше групп находится тип логико-интуитивный интроверт (ЛИИ, Аналитик, «Робеспьер»). Далее мы разберём эту версию подробнее.

Блок ЭГО (□▲)

Характерная черта логиков вообще, а тем более логиков-интровертов, — отстранённость, тяготение к «позициям над схваткой», нежелание поддаваться страстям и ставить в зависимость от них свои умозаключения. Вот какие рекомендации давал Чехов начинающим писателям: «Писатель должен оставаться равнодушным к радостям и огорчениям своих героев: Нужно стоять вне этих вещей и, хотя знать их хорошо, до мелочи, но глядеть на них как бы с презрением, сверху вниз. И выйдет верно» [1, с. 565].

Да и свои собственные переживания, связанные с постоянно ухудшающимся здоровьем, Чехов не имел привычки выставлять на обозрение, скорее просто констатировал. М. Горький: «Однажды лёжа на диване, сухо покашливая, играя термометром, он сказал: — Жить для того, чтобы умереть, вообще не забавно, но жить, зная, что умрёшь преждевре-

менно, — уж совсем глупо...» [1, с. 509]. Пожалуй, характеристику «глупо» в данном контексте выберет именно *логик*.

Данное кому-то слово, даже если оно впоследствии приводит к существенным потерям, часто имеет над программными □ большую власть. Случилось так, что Чехов подписал невыгодный контракт с издателем Марксом. Когда это стало ясно, несколько видных деятелей культуры составили и подписали бумагу к Марксу с просьбой освободить Чехова от кабального договора. Успех предприятия был обеспечен. Но Чехов случайно узнал об этой инициативе и попросил не давать бумаге ход, мотивировав это так: «Я своей рукой подписывал договор с Марксом, и отречься мне от него неудобно. Если я продешевил, то, значит, я и виноват во всём: я наделал глупостей. А за чужие глупости Маркс не ответчик. В другой раз буду осторожнее» [1, с.486].

Стремление к упорядочиванию своей деятельности характерно для программных «интро-логиков» уже с юности. Сокурсник Чехова по Московскому Университету Г. И. Россолимо вспоминал впоследствии: «Чехов был примерным студентом и, несмотря на отвлекавшие его с первых же курсов писательские дела, с полным успехом изучил медицинские науки: лекции он посещал, посещал аккуратно и клиники и лаборатории» [1, с.669]. Как мы уже видели, эта привычка к равномерному и упорядоченному труду сохранилась у Чехова на всю жизнь.

В отличие от ЭИИ (с его программной ▢), который руководствуется в оценке других и своём к ним отношении чаще всего гуманизмом, для ЛИИ первостепенное значение имеет понятие «справедливость». (Заметим, что один из неофициальных псевдонимов типа ЛИИ — «Справедливый») Аналитик не имеет склонности оправдывать недостатки и слабости других, напротив, он их бесстрастно выявляет и называет. Чехов о поездке на Сахалин (1890): «Хорош Белый свет. Одно только нехорошо: мы. Как мало в нас справедливости и смирения, как дурно понимаем мы патриотизм!... Работать надо, а всё остальное к чёрту. Главное — надо быть справедливым, а остальное всё приложится» [3].

Привычка к анализу в совокупности с интуицией не позволяет Аналитика рассчитывать на чудо там, где, по его мнению, для этого нет никаких оснований. Так, Чехов заранее предвидел провал премьеры «Чайки». На возражения товарища, что «такая интересная и поэтическая вещь не должна провалиться», Чехов заметил: «Напротив, должна, непременно должна! Дело в том, что большинство актёров играет по шаблону. Один будет стараться представлять писателя, значит, может быть, и загримируется кем-нибудь из известных литераторов и будет его передразнивать. У них если на сцене военный, то непременно поднимает плечи и хлопает каблуками, чего не делают в жизни военные. Большой и вдохновенный талант — редкость, а о передаче настроения моей пьесы не позаботятся» [1, с.302].

Перейдём теперь непосредственно к обсуждению второй функции блока ЭГО. По воспоминанию А. И. Куприна: «Внешней, механической памятью Чехов не отличался. [Он не помнил] кто как был одет, носит ли бороду и усы, какая была цепочка от часов и какие сапоги, какого цвета волосы. Просто для него эти детали были неважны и неинтересны. Но зато он сразу брал всего человека, определял быстро и верно, точно опытный химик, его удельный вес, качества и порядок и уже знал, как очертить его главную, внутреннюю суть двумя-тремя штрихами» [1, с.557]. В этих словах легко распознать описание ▲, в рассматриваемом случае — творческой. Сделанное предположение подтверждают и слова писателя А. С. Лазарева-Грузинского: «Ничто так не любил Чехов в человеке, как талант, и людей, обнаруживавших хотя бы небольшие блёстки таланта, не стесняясь, выделял из среды заурядной толпы» [1, с.161]. Действительно, одна из задач «интуиции возможностей» как раз и есть — выявление скрытой сути людей, объектов, ситуаций.

Как интуит-интроверт, а тем более логик, Аналитик не терпит поверхностного отношения к предмету. Подобное презрение отражено, например, в записных книжках Чехова: «Между «есть Бог» и «нет Бога» лежит целое громадное поле, которое проходит с большим

трудом истинный мудрец. Русский человек знает какую-либо одну из этих двух крайностей, середина же между ними не интересует его, и потому он обыкновенно не знает ничего или знает очень мало» [1, с. 597].

Вообще, Чехов едва ли не единственный из русских классиков, который осмеливался не только не петь панегирики «великому русскому народу», но и открыто говорить о неприглядных чертах национального характера. Проистекало это, конечно, не от ненависти к своим согражданам, а скорее от уверенности ЛИИ, что именно таким образом, указывая на слабости, он приносит наибольшую пользу: «Странное существо — русский человек! В нём, как в решете, ничего не задерживается. В юности он жадно наполняет душу всем, что под руку попало, а после тридцати лет в нём остаётся какой-то серый хлам... Вся Россия — страна каких-то жадных и ленивых людей: они ужасно много пьют, любят спать днём и во сне храпят. Женятся они для порядка в доме, а любовниц заводят для престижа в обществе. Психология у них — собачья: бьют их — они тихонько повизгивают и прячутся по своим конурам, ласкают — они ложатся на спину, лапки кверху и виляют хвостиками...» [1, с. 502].

Разными людьми отмечалась за Чеховым и способность, располагая минимальными сведениями, тем не менее, давать точные предсказания развития ситуации или чьей-то судьбы. Из воспоминаний А. С. Лазарева-Грузинского: «Однажды я рассказал ему, что один из наших приятелей, человек женатый, увлёкся знакомой барышней, очень красивой, и хочет просить у жены развода. Чехов ответил задумчиво:

– Ну, батенька, не даст она развода ему!

– Почему?

– Просить развода у женщины... да знаете, это то же, что сказать беллетристу: «Мне не нравится Ваш рассказ!»

Кстати, Чехов угадал: наш приятель не получил от жены развода...» [1, с.187].

А вот воспоминание К. С. Станиславского: «Однажды ко мне в уборную зашёл один близкий мне человек, очень жизнерадостный, весёлый, считавшийся в обществе немножко беспутным. Антон Павлович всё время очень пристально смотрел на него и сидел с серьёзным лицом молча, не вмешиваясь в нашу беседу. Когда господин ушёл, Антон Павлович в течение вечера неоднократно подходил ко мне и задавал всевозможные вопросы по поводу этого господина. Когда я стал спрашивать о причине такого внимания к нему, Антон Павлович мне сказал:

– Послушайте, он же самоубийца.

Такое соединение мне показалось очень смешным. Я с изумлением вспомнил об этом через несколько лет, когда узнал, что человек этот действительно отравился» [1, стр. 401].

Примечательно, что Чехов не любил давать конкретных указаний актёрам (что часто характерно для сенсорики, особенно «практиков»), он давал лишь некий намёк, как бы загадку, которую ещё предстояло разгадать. К. С. Станиславский: «Антон Павлович просмотрел весь репертуар театра, делал свои односложные замечания, которые всегда заставляли задумываться над их неожиданностью и никогда не понимались сразу. И лишь по прошествии известного времени удавалось сжиться с этими замечаниями» [1, с. 396].

Подобную игру на нюансах хорошо иллюстрирует и следующий отрывок. Чехов искал название для своей новой пьесы и уже почти нашёл — «Вишневый сад». Однако несколькими днями позже он пришёл в гримёрную к Станиславскому: «Послушайте, не Вишневый, а Вишнёвый сад, — объявил он и закатился смехом. В первую минуту я даже не понял о чём идёт речь, но Антон Павлович продолжал смаковать название пьесы, напирая на нежный звук «ё» в слове «Вишнёвый»... На этот раз я понял тонкость: «Вишневый сад» — это деловой, коммерческий сад, приносящий доход. Такой сад нужен и теперь. Но «Вишнёвый сад» дохода не приносит, он хранит в себе и в своей цветущей белизне поэзию былой барской жизни» [1, с.410]. Вот так, не давая прямых разъяснений, а рассчитывая на то, что собеседник сам достроит ход его мысли. Подобные ожидания наиболее характерны именно для интуитов.

Интуиция возможностей часто располагает человека к поиску разнообразия в жизни

ни, жадному впитыванию новой информации, страсти к приключениям. И. Н. Потапенко: «Мечтал же он — о тёплых краях, о жизни пёстрой, оригинальной, непохожей на нашу». Из письма Чехова Л. С. Мизиновой (1893 г): «Будь деньги, я уехал бы в Южную Африку, о которой читаю теперь очень интересные статьи! Надо иметь цель в жизни, а когда путешествуешь, то имеешь цель» [1, с.338].

Впрочем, ▲ занимала у Чехова именно подчинённое, творческое положение. Фантазии, целиком оторванной от действительности, он не любил, по крайней мере, считал её излишней в литературе: «Зачем это писать, — недоумевал он, — что кто-то сел на подводную лодку и поехал к Северному полюсу искать какого-то примирения с людьми, а в это время его возлюбленная с драматическим воплем бросается с колокольни? Всё это неправда, и в действительности этого не бывает. Надо писать просто: о том, как Пётр Семёнович женился на Марье Ивановне. Вот и всё...» [1, с.565]. «В жизни люди обедают, только обедают, а в это время слагаются их судьбы и разбивается их жизнь» [3, с. 160]. Почему и каким образом это происходит, Чехову и помогала разбираться творческая ▲.

Блок СУПЕРЭГО (□●)

У ЛИИ в этом блоке — нормативная *этика отношений* (□) и *болевая волевая сенсорика* (●). Нормативная □ проявляется в следовании нормам поведения, устоявшимся в обществе, — но без собственной инициативы в проявлении чувств. Вот как вспоминал И. Н. Потапенко о ситуациях, когда Чехову приходилось встречаться с неприятными ему людьми: «Если ему не вмоготу, он уйдёт, спрячется даже... но, пока он стоял лицом к лицу с человеком, каков бы ни был тот человек, он как бы считал долгом в лице его уважать человеческое достоинство» [1, с. 339]. Моделировать отношения ЛИИ чаще всего не умеет, даже если и хочет, ему проще в неприятных случаях вовсе избегать общения.

В домике Чехова в Ялте на стене был прибит плакат: «Просят не курить». Как замечает В. В. Вересаев: «Если бы не было этой надписи и посетитель бы закурил, я не представляю себе, чтобы Чехов мог сказать: «Пожалуйста, не курите, — мне это вредно» [1, с.673]. И, действительно, об одном таком случае вспоминал А. И. Куприн. Однажды к Чехову пришёл архитектор, закурил сигару, несмотря на плакат, и начал требовать от Чехова, чтобы тот написал «корреспонденцию» о том, как его сынок напоролся на колючую проволоку и исцарапал себе ладонь. Поскольку человек пришёл к нему *в гости*, Чехову пришлось всё это вытерпеть. «Но едва архитектор наконец удалился, А. П. вышел в сад совершенно расстроенный, с красными пятнами на щеках. Голос у него дрожал, когда он обратился с упрёком к своей сестре Марии Павловне и к сидевшему на скамейке знакомому:

— Господа, неужели вы не могли избавить меня от этого человека? Прислали бы сказать, что меня зовут куда-нибудь. Он же меня измучил!» [1, с. 552].

Здесь ЛИИ выражает обиду на то, что никто из близких не пришёл на выручку, не позаботился о прикрытии его слабых сторон. Действительно, в подобных ситуациях и ЭИИ и ЛИИ чувствуют себя очень неуютно.

Ошибочно, конечно, считать, что человек с болевой «волевой сенсорикой» ● безволен. Выше уже приводился рассказ о том, как Чехов в один раз покончил с рулеткой. Болевая ● проявляется, скорее, в неприятии силовых методов решения проблем, в неумении само применять и, тем более, дозировать эти методы.

Болевая ● зачастую проявляется в неумении отстаивать свои права, получить то, что причитается по праву. Если учесть, что программная □ и нормативная □ часто делают человека очень аккуратным в денежных отношениях, то не трудно понять, насколько болезненно он относится к необязательности в этой области со стороны других. В. Н. Ладыженский: «А в денежных делах Чехов был деликатен до щепетильности. В ту пору передавал он мне, как один издатель, буквально выпросивший его рассказ и заранее его рекламировавший, вручил ему, наконец, за него какую-то до смешного ничтожную плату, если не ошибаюсь — 26 р. «Ведь не могу же я торговаться, — говорил Чехов. — С большой помпой, после всяких похвал, с некоторой даже таинственностью вручили мне грош. А мне надо лечиться, нужны

деньги на Мелихово, а я и говорить об этом не могу» [1, с. 303].

Совершенно пренебрежительно и даже с некоторой брезгливостью, поскольку хорошо знал эту цену, относился Чехов к различным чествованиям: «Знаю я эти юбилеи! Брают человека двадцать пять лет на все корки, а потом дарят гусиное перо из алюминия и целый день несут над ним, со слезами и поцелуями, восторженную ахинею!» [1, с. 514].

Очень не любил Чехов, когда ему пытались навязать роль «свадебного генерала». Действительно, эта роль плохо совмещается с болевой ●. В. Фаусек вспоминает историю, рассказанную ему Чеховым: «Можете себе представить?! Является ко мне [барон В.], представляется и просит сегодня же у него обедать, что у него соберутся гости и тому подобное?! Какой-то наивный нахал! ... Спровадил его! Сказал ему, что не имею чести его знать и обедать к нему не пойду. Он только что ушёл от меня!». Как потом оказалось, этот барон заранее назвал гостей «на Чехова», и гости в назначенное время съехались к нему обедать. А обед оказался «без Чехова» [1, с.195].

Болевая ● проявлялась и в отношениях Чехова с отцом, вероятно, ЛСИ. Не останавливаясь подробно на личности отца, вкратце отметим, что с сыном его, с одной стороны, роднили та же высокая принципиальность, честность, сдержанность, порядочность — а с другой стороны, он сильно отличался своими методами воздействия на близких.

Из воспоминаний И. Н. Потапенко, относящихся к тому времени, когда родители Чехова были уже пожилыми и находились на полном содержании сына: «К матери своей он относился с нежностью, отцу же оказывал лишь сыновнее почтение, — так, по крайней мере, мне казалось. Предоставляя ему всё, что нужно для обстановки спокойной старости, он помнил его былой деспотизм в те времена, когда в Таганроге главой семьи и кормильцем был ещё он... Конечно, это вспоминалось без малейшей злобы, но, видимо, оставило глубокий след в его душе... И не только того не мог простить А. П. отцу, что он сёк его, — его, душе которого было невыносимо всякое насилие, — но и того, что своим односторонне-религиозным воспитанием он омрачил его детство и вызвал в душе его протест против деспотичного навязывания веры, лишил его этой веры» [1, с. 318]. Телесные наказания в семьях были обычным делом в то время, но едва ли многие сохранили обиду на «воспитателя», став взрослыми. Упреки отцу в ограниченности и навязывании этой ограниченности другим — тоже характерный пример «камня преткновения» между носителями творческой ● и носителями интуиции возможностей ▲.

Нормативная этика отношений иногда проявляется и в своеобразном этическом законодательстве, изрядно сдобренном логикой, законодательстве чаще для себя, чем для «общего потребления»: «Если бы я женился, — задумчиво заговорил Чехов, — я бы предложил жене... Вообразите, я бы предложил ей не жить вместе. Чтобы не было ни халатов, ни этой российской распущенности... и возмутительной бесцеремонности» [1, с.218]. То же в письме к Суворину: «Извольте, я женюсь, если вы хотите этого. Но мои условия: всё должно быть, как было до этого, то есть она должна жить в Москве, а я в деревне (он жил тогда в Мелихове), и я буду к ней ездить. Счастья же, которое продолжается изо дня в день, от утра до утра, я не выдержу. Я обещаю быть великолепным мужем, но дайте мне такую жену, которая, как луна, являлась бы на моём небе не каждый день» [1, с. 698].

Порой ЛИИ стремится обезопасить привычное течение своей жизни от влияния даже близких людей, особенно, если, как думал Чехов, это вмешательство может повредить его работе. В письме к сестре М. П. Чеховой 2 июня 1901 г.: «О том, что я женился, ты уже знаешь. Думаю, что сей мой поступок несколько не изменит моей жизни и той обстановки, в которой я до сих пор пребывал. Мать, наверное, говорит уже Бог знает что, но скажи ей, что перемен не будет решительно никаких, всё останется по-старому» [3].

Вообще же, □ ЛИИ находится под неусыпным контролем его программной □. Из письма к Лике Мизиновой (1889): «В Вас, Лика, сидит большой крокодил, и, в сущности, я хорошо делаю, что слушаюсь здравого смысла, а не сердца, которое Вы укусили» [3]. Вообще же ЛИИ, как правило, настолько боится попасть к кому-нибудь в зависимость — материальную и эмоциональную — что предпочитает выдерживать с людьми достаточно большую дистанцию, чем может отталкивать людей, искренне ему симпатизирующих (какая же друж-

ба удержится на расстоянии?), так что в результате рядом остаются люди, скорее «просто не мешающие» или непонимающе-восторженные. Та самостоятельность, за которую боролся Чехов, обернулась самой неприглядной стороной. В сущности, именно таким и был брак Чехова с О. Л. Книппер — ни детей, ни даже совместной жизни — каждый сам по себе.

И наоборот, всю жизнь Чехов подавлял в себе свою симпатию к Лике Мизиновой, а затем и к Лидии Авиловой [1, с. 200-293]. Подавить, в сущности, так и не удалось — «предательские» фразы то и дело прорывались в его письмах и даже рассказах («О любви») — просто его чувства стали им понятны, когда, в сущности, менять что-либо в личной жизни было уже поздно.

В чём же причина того, что ЛИИ боится связывать себя с глубоко симпатичными ему людьми? Весьма метко В. Гуленко в своей статье, посвящённой философу И. Канту, привёл его фразу, характерную для представителя типа ЛИИ: «Когда мне могла понадобиться женщина, я не был в состоянии её прокормить, а когда я был в состоянии её прокормить, она уже не могла мне понадобиться» [3, с. 8]. В силу своей повышенной ответственности, с одной стороны, — а с другой стороны, уязвимой ● — ЛИИ, находясь в стесненных материальных обстоятельствах, очень боится, что, если он с ними не справится, — эти же проблемы лягут и на плечи его близких (нельзя также забывать, что Чехов был серьёзно болен и не считал возможным обременять кого-то своими проблемами со здоровьем). Рисковать же, чтобы исправить свое положение «одним махом», будучи не особенно разворотливыми, представители этого типа не любят.

Блок ИД (■△)

Чехов в письме к Л. С. Мизиновой (1894 г): «Я до такой степени измочалился постоянными мыслями об обязательной, неизбежной работе, что вот уже неделя, как меня без-

остановочно мучат перебои сердца. Отвратительное ощущение» [1, с.337]. Год спустя в письме к Суворину (1895 г): «Не работать мне нельзя. Денег у меня так мало, я работаю так медленно, что, прогуляй я две-три недели, моё финансовое равновесие пойдёт к чёрту, и я залезу в долги» [1, с.337]. Подобные фразы встречаются в переписке Чехова не так уж редко. Хотя ЛИИ часто бывают «трудоголиками», они всё же предпочитают тразмеренный стиль работы, когда не поджимают сроки, когда не надо постоянно работать «на износ». ЛИИ чаще стремится не к одноразовому крупному заработку, а к стабильному, предсказуемому и надёжному доходу, «финансовое равновесие» в этом случае, действительно, много значит.

Важность работы, необходимость её для других людей может заставить ЛИИ пренебречь своими интересами, целиком подчинить себя долгу. Вот отрывок из письма Суворину (15 августа 1892 г.), где Чехов описывал борьбу с холерой на вверенном ему участке: «Душа моя утомлена. Скучно. Не принадлежать себе, думать только о поносах, вздрагивать по ночам от собачьего лая и стука в ворота (не за мной ли приехали?), ездить на отвратительных лошадях по неведомым дорогам и читать только про холеру и ждать только холеры и в то же время быть совершенно равнодушным к этой болезни и к тем людям, которым служишь, — это, сударь мой, такая крошка, от которой не поздоровится» [1, с.322]. Это, однако, не означает, что Чехов занимался своей работой спустя рукава. «Но думая так, он носился по своему участку, входил в сношения с местными помещиками, уговаривал их жертвовать деньги. И, получив от земства на это какую-то сотню рублей, устроил свой участок образцово» [1, с. 322]. В том-то и дело, что в блок ИД входят функции, по которым человек *может* успешно, с отдачей, работать, но вот хочет ли — это ещё вопрос.

Блок СУПЕРИД (L O)

Зачастую суггестивная функция менее всего развита у человека. Поддержка других здесь приветствуется и часто принимается некритично, а вот самостоятельного творчества стараются избегать. Знакомый Чехова, литератор В. Фаусек вспоминал: «А. П. Чехов был очень общителен и любил «компанию». В компании не отказывался и выпить, хотя пил очень умеренно. Пойти ли в невзрачный трактир Болотникова есть шашлыки, или куда-нибудь в погребок пить вино Чехов никогда не отказывался» [1, с.191]. Однако, как ни любил Чехов такие компании, внимательный человек мог заметить, что и тут шла непрерывная работа. «Сидит, бывало, молча, улыбается, делает вид, что попивает вино. Не наблюдал ли он в это время, не приглядывался ли к распоясавшимся людям?» [1, с.191].

Приятное, неформальное общение с друзьями — общение, которое может развеять, дать передышку в работе, очень ценилось Чеховым. Часто он приглашал кого-то из приятелей заходить к нему:

– Отчего не заходите? Заходите, поболтаем!

– В какое время? Когда Вы не заняты, Антон Павлович?

– Да когда хотите! Я всегда занят. И всегда могу бросить работу. Я люблю отдохнуть, поговорить!» [1, с. 191].

«Но к чему он чувствовал непобедимый, почти панический ужас, так это к торжественным выступлениям, в особенности если подозревал, что от него потребуется активное участие» [1, с.315]. Это и неудивительно, требование к интроверту, да ещё и со слабой L, работать на большую аудиторию как минимум его утомляет. Тут, разумеется, возможны варианты. Если человек с суггестивной L не обладает вкусом и не испытывает отвращения к пошлым речам, его вполне можно «накачать» какими-то эмоциями и отправить вещать другим. Чехов, конечно, был человеком совершенно иного склада. Однажды намечались выступления писателя Д. В. Григоровича, где попросили выступить Чехова — он только что приехал по делам в Москву. Далее от лица И. Н. Потапенко: «Антон Павлович впал в мрачность... К вечеру он стал мягче. К нему вернулся его обычный юмор, и он от времени до времени прерывал своё молчание отрывочными фразами:

– Глубокоуважаемый и досточтимый писатель... Мы собрались здесь тесной семьёй...

– Что это ты? — спросил я.

– А это я из твоей речи, которую ты скажешь на обеде в честь Григоровича.

– Почему же из моей? Ты бы лучше из своей что-нибудь.

– Так я завтра уезжаю.

Я возмутился: «Как же так? Григорович, его письмо... Такие отношения...»

И тут он начал приводить свои доводы:

– Ведь это же понятно. Я был открыт Григоровичем и, следовательно, должен сказать речь. Не просто говорить что-нибудь, а именно речь. И при этом непременно о том, как он меня открыл. Иначе же будет нелюбезно. Голос мой должен дрожать и глаза наполниться слезами. Я, положим, этой речи не скажу, меня долго будут толкать в бок, я всё-таки не скажу, потому что не умею. Но встанет Лавров — и расскажет, как Григорович меня открыл. Тогда поднимется сам Григорович, подойдёт ко мне, протянет руки и заключит меня в объятиях и будет плакать от умиления. Старые писатели любят поплакать. Ну, это его дело, но самое главное, что и я должен буду плакать, а я этого не умею. Словом, я не оправдаю ничьих надежд» [1, с.316]. И Чехов назавтра действительно сбежал в Мелихово.

Отвращение к помпе, к прочувствованным речам не покидало Чехова даже в критической ситуации. В. И. Немирович-Данченко вспоминал: «Как-то я ехал с Чеховым в пролётке; извозчик не успел свернуть с рельсов, — пролётка столкнулась с трамваем, перевернулась...; я сказал:

– Вот так, в один миг, могли бы мы и умереть.

– Умереть — это бы ничего, — сказал Чехов, — а вот на могиле Гольцев говорил бы прощальную речь — это гораздо хуже» [1, с.422].

Так же плохо переносил Чехов сочувственные речи и утешения. Сразу после провала «Чайки» автор отправился на вокзал, чтобы отбыть в Мелихово. Потапенко, который провожал его, пытался удержать:

«— А то, может, раздумаешь, Антон Павлович, да останешься? — предложил я, когда раздался второй звонок.

— Ну, нет, благодарю. Сейчас все придут и утешать будут — с такими лицами, с какими провожают дорогих родственников на каторгу». [1, с.361].

Но и к поздравлениям почитателей Чехов относился весьма сдержанно. К. С. Станиславский: «Не думайте, что после успеха «Чайки» и нескольких лет его отсутствия наша встреча была трогательна. А. П. сильнее обыкновенного пожал мне руку, мило улыбнулся — и только. Он не любил экспансивности. Я же чувствовал в ней потребность, так как сделался восторженным поклонником его таланта... Антон Павлович заметил это и конфузился» [1, с.378]. ЛИИ любит, когда ему создают хорошее настроение, дают повод для веселья, но редко бывает в восторге от чьих-то чрезмерных излияний.

Своеобразие чувства юмора ЛИИ, его нетрадиционность проявлялась и в оценке Чеховым жанра собственных произведений. К. С. Станиславский: «Что его больше всего поражало и с чем он до самой своей смерти примириться не мог, это с тем, что его «Три сестры», а впоследствии «Вишневый сад» — тяжёлая драма русской жизни. Он был искренне убеждён, что это была весёлая комедия, почти водевиль. Я не помню, чтобы он с таким жаром отстаивал какое-нибудь другое своё мнение, как это...» [1, с.394].

Необходимость эмоциональной встряски, жажда смены впечатлений проявлялась у Чехова в постоянном желании куда-то путешествовать, видеть экзотические страны, переживать необычные впечатления — желании, которое, увы, не всегда удавалось осуществить. Но кое-что всё же удалось. Вот как Чехов описывал некоторые подробности своего пребывания на Цейлоне: «Затем следует Цейлон — место, где был рай. Здесь в раю я сделал более 100 вёрст по железной дороге и по самое горло насытился пальмовыми лесами и бронзовыми женщинами. Когда у меня будут дети, то я не без гордости скажу им: «Сукины дети, я на своём веку имел сношение с черноглазой индуской... и где? в кокосовом лесу, в лунную ночь» (Суворину, 9 декабря 1890 г.) [7].

Активационная функция тоже требует поддержки. Собственные действия могут здесь быть и успешными, но уж слишком быстро изматывают. Поэтому подпитка по этой функции необходима для «активной деятельности человека» [2]. Ведь работа по активационной отнимает энергию у сильных функций блока ЭГО, и тогда приходится делать выбор: или-или. В. Н. Ладыженский о болезни Чехова: «Это заставляло его лечиться, заботиться о гигиеническом образе жизни, отлучаться за границу, на юг, а ему не хотелось думать о самом себе, возиться с самим собой, его интересовала окружающая жизнь, а суть его собственной жизни составляло творчество, для которого нужно было беречь здоровье...» [1, с.303]. Похожи здесь и высказывания И. Н. Потапенко: «А себя он не лечил вовсе. Странно, непостижимо относился он к своему здоровью. Жизнь любил он каждой каплей своей крови и страстно хотел жить, а о здоровье своём почти не заботился... Вообще по отношению к [своим] болезням он проявлял какое-то ложное мужество. Он как будто стыдился слишком много заниматься ими, считал это малодушием» [1, с.323-325].

Показательно и отношение Чехова к подаркам, которые ему дарили по поводу 40-летнего юбилей. Здесь явно чувствуется приоритет приятного и приносящего радость (■ и ○) над престижным и традиционным (● и □). А блок СУПЕРИД как раз и отражает запрос на наиболее желанный подарок. Из воспоминаний Станиславского:

«— Вот художник Коровин чудесный подарок мне прислал! Чудесный!

— Какой? — интересовался я.

— Удочки.

И все другие подарки, поднесённые Чехову, не удовлетворяли его, а некоторые так даже рассердили своей банальностью.

— Нельзя же, послушайте, подносить писателю серебряное перо и старинную чернильницу.

– А что же нужно подносить?

– Клистирную трубку. Я же доктор, послушайте. Или носки. Моя жена за мной не следит. Она актриса. Я же в рваных носках хожу. Послушай, дуся, говорю я ей, у меня палец на правой ноге вылезает. Носи на левой ноге, говорит. Я же не могу так! — шутил Антон Павлович и снова закатывался весёлым смехом» [1, с.414].

В каждой шутке... Жена Чехова, О. Л. Книппер-Чехова, очевидно, не была его дуалом.

Заключение

Вернёмся ещё раз к такой черте Чехова, как стремление к независимости. Довольно сильно она коррелирует с установкой одной из *стимульных групп* — *интуитов-интровертов*. Будучи недостаточно пробивными, довольно скромными, они, как правило, стремятся действовать вовсе не с широким размахом — их вполне удовлетворяет ценность их деятельности для них самих [6].

По воспоминаниям И. Н. Потапенко: «На аванс Чехов смотрел как на петлю, которую писатель сам набрасывает себе на шею. Случалось, что, взяв аванс и убедившись, что обещанной работы дать к условленному сроку не в состоянии, он делал огромное усилие, чтобы достать денег и поскорее снять со своей шеи петлю и вернуть аванс, чем, конечно, больше всех и несказанно удивлял издателя, который не был приучен к подобного рода щепетильности» [1, с.335]. Такую же осторожность проявлял Чехов в одалживании денег. И. Н. Потапенко: «Никогда не бери займы у миллионеров, — сказал он... Да вот — неосторожность: я взял у этого. За неделю до отъезда из Москвы. В течение недели мы встретились два раза: в первый раз он заехал ко мне в номер на другой день после займа, сидел час и всё время говорил о том, какое это большое удовольствие выручить и поддержать талантливого человека. Мне было стыдно, и я хотел тут же вернуть ему взятые вчера деньги, но побоялся обидеть» [1, с. 332]. Заметим, что у ЛИИ, к тому же, критерии независимости наиболее высокие, чем у остальных представителей этой группы.

Независимость — это, конечно, не только материальная самостоятельность. ЛИИ старается быть свободным от чужих мнений, не прогибаться под их влиянием и всегда сохранять собственное достоинство. Примечательно, что писал 19-летний Антон в письме к брату Михаилу: «Не нравится мне одно: зачем ты величаешь свою особу «ничтожным и незаметным братишкой». Ничтожество своё сознавай, знаешь где? Перед Богом, пожалуй, перед умом, красотой, природой, но не перед людьми. Среди людей нужно сознавать своё достоинство» [3].

Вспомним, наконец, чеховскую фразу: «Я всю жизнь по капле выдавливал из себя раба». По-моему, это замечание очень точно характеризует социотип ЛИИ.

Л и т е р а т у р а :

1. А. П. Чехов в воспоминаниях современников. — М. Гос. издат. 1960. — 834 с.
2. Горенко Е. А., Толстиков В. И. Природа собственного «Я». — М.: «Армада-пресс», 2001. — 288 с.
3. Громов М. Чехов. — ЖЗЛ, М. Молодая гвардия, 1993. — 394 с.
4. Гуленко В. В. Логик среди гуманистариёв. Об антиномичном разуме Иммануила Канта // Соционика, ментология и психология личности. — 1999. — № 2. — с. 8–14.
5. Гуленко В. В. Структурно-функциональная соционика. 1 — Киев: 1999. — 187 с.
6. Гуленко В. В., Тыщенко В. П. Юнг в школе. Соционика — межвозрастной педагогике. — Новосибирск: изд-во Новосиб. ун-та, 1997. — 270 с.
7. Игрицкий И. Неприличный классик. <http://www.utro.ru/column/2001071603181524896.shtml>
8. Онуфрієнко І. Д. Соціоніка. Робесп'єр: логіко-інтуїтивний інтроверт // Наука і суспільство. — 1990. — № 2.
9. Стівнюк М. Ф. Тимофеев-Ресовский // Соционика, ментология и психология личности. — 2003. — № 4.

Статья поступила в редакцию 19.09.2003 г.